

Глава 3. Продать и старого, и малых

— Грохот!

Мужчина, в чье лицо угодила табуретка, закатил глаза и рухнул навзничь. Глухой удар оземь поднял тучу серой пыли.

— А-а-а!.. — Жэнья-поцзы, увидев своего подручного без чувств, истошно закричала, округлив глаза от ужаса.

Члены семьи Чжао еще не успели осознать, что произошло.

В этот миг из полумрака дровяника донесся сухой кашель. Вслед за звуком навстречу свету медленно вышла тонкая, но гордая фигура. Перед глазами собравшихся предстало бледное, словно нефрит, лицо, а алая родинка меж бровей на ярком солнце казалась каплей свежей крови.

Те, кто считал его мертвецом, побледнели. Госпожа Ли, жена второго брата, Чжао Чангуя, дрожащим пальцем указала на вошедшего:

— Ты... Разве ты не должен быть мертв?

Все домочадцы были уверены, что Цзи Юань испустит дух в той конуре. Никто и помыслить не мог, что он не только выживет, но и найдет в себе силы выйти к ним.

На самом деле прежний хозяин тела и впрямь умер. Но тот, кто стоял перед ними теперь, был Цзи Юанем из иного мира.

Он бросил на госпожу Ли ледяной, пронзительный взгляд. Та вздрогнула и отпрянула, решив, что перед ней мстительный призрак, явившийся за ее душой.

— Сегодня вы не тронете этих детей. Разве что через мой труп, — негромко, но властно произнес Цзи Юань.

Он подошел к сыновьям и склонился над ними. Его бледные, почти прозрачные на солнце руки принялись распутывать грубые узлы на веревках. Сначала один ребенок, затем другой...

Близнецы, едва осознав, что спасены, вцепились в ноги своего А-му с двух сторон. За их заплаканными личиками прятался первобытный страх.

— Что за дела?! — взвизгнула торговка, поняв, что ситуация выходит из-под контроля. —

Договорились ведь! Я вам серебро, вы мне — щенков. А теперь что? Моего человека избили? Платите! Верни мои деньги, старая карга!

— Как это — не продаем? — Старая госпожа У крепче прижала к себе кошель с деньгами, тыча пальцем в Цзи Юаня. — Забирай их! Серебро уплачено, сделка в силе!

Цзи Юань ласково коснулся макушек детей. Услышав слова свекрови, он лишь холодно усмехнулся. Взглянув на старуху и толстую бабу, юноша произнес тоном, не терпящим возражений:

— Тот, кто взял ваши деньги, пусть и ищет товар. А эти дети — мои.

— Как это твои?! — взвизгнула старая госпожа У. — Ты, дрянь, — собственность семьи Чжао! Я и так проявила милость, не продав тебя вместе с ними. Эти ублюдки с самого рождения ели и пили за наш счет! За столько лет они сполна задолжали нашей семье!

Старуха брызгала слюной, заходясь в крике. Кто поверит, что после одной-единственной ночи этот гэ'эр понес? Наверняка нагулял живот на стороне, а вину свалил на их Чжао! Семья и так была слишком добра, кормя этих нахлебников. Сегодня она во что бы то ни стало избавится от них!

Жэнья-поцзы же была тертым калачом. Она завороженно смотрела на Цзи Юаня. Редко в такой глуши встретишь столь породистого гэ'эра. Хоть он и был немного истощен, да еще и с детьми, но если отмыть и приодеть — выйдет настоящий бриллиант. В столичных заведениях за такого любители изысков выложат немало серебра.

— Слушай, — женщина прищурилась, обращаясь к старухе, — если отдашь и этого, взрослого, я дам еще пять лянов.

«Пять лянов?!»

За двоих мелких дали три, а за одного взрослого — целых пять! Глаза старой госпожи У вспыхнули алчным блеском.

— Продаю! — выдохнула она, протягивая руку к покупательнице. — Забирай всех, и большого, и малых!

Остальные домочадцы Чжао уставились на воображаемое серебро с неприкрытой жадностью. Даже глава семьи, Чжао Цюань, замер, не в силах отвести взор. Лишь Чжао Чанфу сохранил остатки благоразумия.

— А-нян, а как же старший брат? — он осторожно дернул мать за рукав. Чанфу с детства боялся тяжелого кулака Чжао Чанмина. — Что ты ему скажешь, если он вернется?

— Кто знает, жив он или мертв... — огрызнулась старуха. — Столько лет ни весточки.

Но в глубине души она затрепетала, вспомнив, как приемный сын когда-то в одиночку завалил тигра. Именно на те «кровавые» деньги он и купил себе этого гэ'эра. Старая госпожа У тогда чуть зубы не стерла от злости: потратить столько серебра на какую-то обузу! Она ненавидела его именно за это расточительство сына.

— Ну так что, серебро нужно? — торговка помахала кусочком металла перед носом старухи. — Забирайте всех. Вы не скажете, мы не скажем... Кто узнает, куда делся твой фулан?

— Да... да! — Старая госпожа У кинулась было за деньгами, но женщина ловко спрятала их и велела слуге достать бумаги.

— Поставь отпечаток здесь, и серебро твое.

— А-му! — дети в ужасе вцепились в ноги своего родителя.

Цзи Юань холодно наблюдал за этими торгами.

— Позвольте напомнить, — бросил он с едкой усмешкой, — торговля людьми без согласия — преступление. Один донос в управу — и никто из вас не уйдет от наказания.

Старая госпожа У замерла. В ее душе шевельнулся первобытный страх перед властью.

— Ты... не пытайся нас запугать!

— Да не слушай ты его! — подначила жэнья-поцзы. — Лишь бы языком чесать. Как только он попадет в мои руки, и пикнуть не посмеет, не то что в суд бежать. За стенами моего заведения про закон быстро забывают.

Эти слова подействовали на старуху как успокоительное. Она решительно прижала палец к майшэньци — договору о продаже.

***

— Безумие! Это просто возмутительно!

Голос прогремел от ворот. Во двор в окружении толпы вошли староста деревни Чжао Цзимин и личжэн Чжан Гуаншань. До них уже дошли слухи, что в доме Чжао Цюаня середь бела дня торгуют людьми!

Староста вырвал бумагу из рук старухи и в клочья разорвал ее, бросив обрывки в пыль.

— Совсем из ума выжили? — взревел он, тыча пальцем в Чжао Цюаня и его жену. — В нашей Дахуайцунь даже в самые голодные годы никто не смел продавать своих близких! У вас же зерна полные закрома, а вы живыми людьми торгуете! Как вам после такого в глаза соседям смотреть не стыдно?

— Пока я, Чжао Цзимин, староста этой деревни, ни одна семья не посмеет продавать детей! — Он был вне себя от ярости. Если слухи дойдут до уезда, его репутации придет конец.

Когда-то именно он спас Цзи Юаня и младенцев от костра, когда суеверная толпа требовала их смерти. И вот теперь семья Чжао снова взялась за старое!

Зеваки у ворот начали перешептываться, осуждающе качая головами и указывая на опозоренных хозяев дома.

— Значит, сделки не будет? — Торговка, видя, что дело принимает скверный оборот, вцепилась в одежду старой госпожи У. — Живо верни мои три ляна!

— Продаем... мы продаем... — лепетала старуха, воровато поглядывая на старосту.

— Посмотри, кого ты в дом взял! — прикрикнул Чжао Цзимин на поникшего Чжао Цюаня.

Тот, окончательно потеряв лицо, грубо толкнул жену:

— Отдай деньги, живо!

Старая госпожа У, едва не плача, вытащила серебро и вернула его жэнья-поцзы.

Та, забрав свое, смачно сплюнула на землю:

— Тьфу! Только время потеряла в этой дыре. Ноги моей здесь больше не будет!

Хозяйка вместе с подручными села на повозку и укатила прочь, оставив двор семьи Чжао полным разгневанных соседей.